Субботняя страница

Запах донника

П. Шмаков — Рассказ

Крохотный разъезд унынул в осенюю пору. Вокзальчик похож скорее на будку обходчика. Но к нему привыкли колхозники близлежащей деревни Сухово. А находится она от дороги в пятнадцати верстах. Когда нет лошади, народ и пешком доходит за пару часов. Так уж повелось: по знакомой дороге и тридцать верст пройти — немного. К тому же, если есть большая необходимость.

Начальник разъезда, уже немолодой мужчина, всякий раз, когда проходит пассажирский — радуется. И к тому есть причины. Народу здесь мало, и всякий свежий человек для него клад. За многие годы он ознакомился почти со всеми селянами и нет такого, чтобы с ним не поздоровался, не поделился новостями.

Начальника разъезда звали Петром Ивановичем. Фамилия у него — Кукушкин.

Сюда Кукушкины приехали лет десять назад из Линковки. Она от разъезда в семидесяти верстах. И там он не бывал со дня ухода. Родных не осталось, друзей не завел. Что и ехать. Родился Петр Иванович в деревне. Рано осиротел. С малых лет помогал пасти коров старому Тимке. Потом плугарил, на лошадях возил снопы, сено. И по сей день помнится, как на луга выезжали всей Линковкой. За два дня до покоса, как только сиреневые сумерки падут сверху, почти у каждого дома стучали молотки по бабкам. Звуки были этакие протяжные: тук-ту-у-ук—т-э-э-к...

Сердце радовалось от ожидания компанейской работы. Хлеборобу по душе коллективный труд. Бывало, зерно запарит — навалятся гамузом с деревянными лопатами, и огромный ворох, величиной с крестовый дом, за пару часов переместится с одного места на другое.

Любили в Линковке выходить селом на сенокос. Петр Иванович, тогда просто Петька, в день выезда запрягал пару лошадей в сенокосилку и трогал вожжи. Не выдерживал, дорогой включал косилку и любовался как ходил дергач, дергая косу. Стрекот наполнял сердце какой-то дивной песней, и хотелось петь. И за песней дело не стояло. Она взмывала в воздух, как пласт душистого, чуть волглого, сена. И было столько силы и молодости в голосах, что думалось: такой мощи не только луга, но и вся земля покорится и ляжет под ноги, с поклоном.

И еще любил Петр Иванович спать на свежем сене. Шуршит оно при каждом движении, навевает сонливую истому, но и спать не дает. Находит мягкая дремота, будто сказка, говоренная любимой бабушкой. Иной раз и задремлешь, а стебелек кольнет в щеку, и сразу глаза раскроешь. А сверху — неохватное в мыслях небо, звезды, как позолоченные ерши, и млечный путь, зовущий в далекие мироздания.

Парнем уже как-то в район поехал, поездом. Там и встретил Феньку — проводницу. Понравилась она ему большими синими глазами. Как увидел их, тут же отметил про себя: «Как есть колокольчики. Ну ни дать, ни взять — колокольчики».

Разговорились, адрес она свой ему на спичечной коробке написала. А там к ней в город махнул. В молодости всякая глупость романтикой кажется. Так и он в проводники подался — хотел мир посмотреть, себя, мир показать. Три года с Феней на колесах провели. А как появился карапуз Гошка — осесть решили. Послали их на разъезд. Польстило Кукушкину, что он будет начальником называться — согласился.

Хозяйством обзавелись. Свыкся со своей волюй. А куда денешься — верховодил всем и вся Фенька. У нее характер! Бывало, Петр Иванович заикнется о новом месте, а она тут же:

— Да чем тебе, распятнай тебя, — плохо живется? Три сотки семечек сеем. Картох сколько, корова, овцы. Не без денег сидим.

Деньги Фенька клала себе на книжку. А для чего копила — ни слова с мужем. Да ему они хоть и не будь. Подумаешь!

Сегодня, в осенний день, Петр Иванович долго стоял после ухода скорого. Он не останавливается. Только чуть сбавит ход и уйдет с грохотом в сизую даль.

Высокая лесозащитная полоса вдоль железной дороги уже полностью потеряла изумрудный цвет. Листва, как дорогое украшение, нехотя срывалась и падала на темную от недавних дождей землю. Солнце пряталось за серой пеленой туч и виделось лишь мутным пятном.

Петр Иванович вошел в зал ожидания. Там, на единственном, когда-то крашеном деревянном диване сидели два старика и бойко беседовали. Они не обратили внимания на вошедшего начальника и говорили.

— Там зять у меня, в Сухово-то, на воскресенье приезжал, — тараторил маленький, заросший серым волосом до самых глаз, старикан. — Он мне про семена-то и рассказал... В половину не очищены-т...

— Э... А в газете их того — хвалят, — замечал высокий, худой старик с усами крохотными, как у молодого.

— Вот и на чистую-т воду мы их... Пригласили-т себе на шею... Ха-ха-ха...—дробно рассмеялся обросший старик. — А сена-т, они менее нас заготовили...

— А вы откуда, деды, извиняюсь за перебивку, будете?— Петр Иванович подошел к старикам. Те почтительно подвинулись — освобождая место начальству. Петр Иванович сел.

— Из Буденного хозяйства стало быть мы-т..., — ответил с бородой.

— Из Линковки, — добавил второй. — Дружка за дружкой контроль водим. Недостатки ищем.

— Это уж второй год повелось-т.. Польза от того-т большая. Старики-т народ въедливый, делать нече-т, вот и выискивают.

— Стало быть, — начал длинный старик.

— Подводу ждем, — перебил второй, — угостись-эт, табачком?

Кукушкин взял газету, сложенную по-деревенски в гармошку, оторвал листок, протянул маленькому говоруну. Тот рывком сыпанул щепоть желтого табаку и опять засмеялся дробно, тихо.

— Эт мы их подколупнем... Подводу-т боятся гнать. Заседают, поди-т.. Слать, не слать...

Петр Иванович свернул цигарку, закурил и зажмурился. От крепости легко закружилась голова, и вдруг запахло родным и знакомым.

— Донник полсыпан? — спросил он радостно.

— Смотри-ка-т, понимает, — сказал хозяин табака длинному. — Из деревенских будешь-т?..

— Нарожден там. Детство, молодость...

— А сюда по призыву, аль сам пожелал-эт? — старик с бородой сразу как-то внимательно всмотрелся в Кукушкина, будто хотел признать.

Открылась дверь и вошел кряжистый, с открытым лицом старик Зеленьев. Он знал всех троих и всем подал свою широкую, как лопата, руку.

Старики сразу загомонили.

— Не встречать хотели-т?...

— Дорога хлябкая — не гнать же...

— Если сыщите — не в обиду...

Старики ушли. Кукушкин остался один в грязном вокзальчике. В нем стадо пусто и тоскливо. И так захотелось Петру Ивановичу плюнуть на этот разъезд, на свой высокий пост, что он решительно шагнул за дверь с одним намерением: «На своем настою. На сей раз Фенька не уговорит... Я строго с ней. Я с ней... Усохну я, как гриб, без деревни... Нет, Фенька...»

Петр Иванович шел, распалял себя, а где-то в голове уже начинало стучать: «Неужто смогу? Неужто смогу... Неужто согласится...»

Чем ближе подходил к домику, тем медленней становились шаги начальника маленького разъезда.

ОСТАНОВИ МАШИНУ

Останови, пожалуйста, машину
Минуты на две
Вон у тех ворот,
Но только, слышишь,
Не сломай рябину,
Неосторожный сделав поворот.
Я робким взглядом
Тонкую окину
И как живет девчонка
Буду знать —
Ведь разлюбив,
Она должна рябину,
Согласно клятве,
В тот же день
Сломать.
И я,
Я сам,
Другую встретив где-то
(Забыв о ней),
В родной вернувшись край,
Как и она.
Обязан сделать это.
... Беду, шофер,
Не сделай невзначай.

Н. ПИСКАЕВ.

А. Четонову

Край суровый родит героев,
А особенно, если беда.
Не вернулся Четонов
из боя,
Наш земляк из деревни
Шанда.
Но за все за прошедшие
годы
Среди мира и тишины
Не забыли мы схватки
за Одер
На финале великой войны.
Переправа на зыбких
понтонах
А вокруг огневая вода.
Там погиб Алексей
Четонов,
Наш земляк из деревни
Шанда.

Одна из центральных улиц райцентра.
Фото В. Ковальского.

Первые стихи В. РОКОВА

ЖИЗНЬ

Нежная, нежная
Краска румянца,
Полунамек
На усталость свою
Кинуло в небо
Ушедшее солнце.
Когда же, когда же
Тебя я пойму?!.

* * *

Чудесное звездное небо,
С морем вдали сливаясь,
Смотрит на сонную рыбу,
Звезды-глаза умывая.
А тихо вокруг прохладно
Брызжет, шумя, лишь прибой...
Обняться б с волною-
громадой
Умчаться бы мне с волной!..

Б. КУЗНЕЦОВ

* * *

Однажды ночью выползут
туманы,
Закутают, как ватою, лога.
Прозрачной белизной затьют
туманы
И лягут на речные берега.
Бесшумно ходит кто-то в том
тумане синем.
И этот кто-то, он большой чудак,
Румяной кистью пачкает рябины
И красит в желтое веселый
березняк.
Находит кто-то удивительные
краски,
Макает кисти в предрассветный
дым.
И темный лес становится,
как в сказке:
Зеленым, желтым, красным
голубым.
И я в своей сентябрьской
охоте
Частенько поджидаю поутру,
Что из тумана вдруг озябший
кто-то
Придет погреться к моему
костру.
Тогда я дров сухих в него
подброшу,
И, наслаждаясь золотым огнем,
Мы с этим кем-то (он мужик
хороший)
Негромкую беседу заведем.
Задремлет кто-то от костровой
ласки...
И вот тогда-то, выждав этот час,
В его палитре спутаю я краски,
И лето больше не уйдет от нас.

РУСОЕ СОЛНЫШКО

Ты появилась
Нежданно, как Золушка.
В сердце легко
И свободно вошла.
Ты — мое солнышко,
Русое солнышко,
Сколько с собою
Тепла принесла!
Я не боюсь.
Если вдруг заненастится,
Ливнем исхлещет
И градом побьет.
Выбежишь встретить ты
В простеньком платьице —
Сразу гроза
Надо мною пройдет.
Счастья тебе
Золотая головушка,
Ты светом наполнила
Всю мою жизнь...
Ты — мое солнышко,
Русое солнышко.
Русое солнышко,
Не закатись!

А. БАРМИН.

Зам. редактора В. К. БОЙЦОВ.

Партийная и профсоюзная организации центральной районной больницы выражают соболезнование семье и родным

ГУТНИКА
Ивана Павловича

в связи с его преждевременной кончиной

НАШ АДРЕС: г. Белово, ул. Советская. 8.
ТЕЛЕФОНЫ: редактора — 4-03, 1 зв., отделов: сельского хозяйства — 4-03, 2 зв. (через городской коммутатор), партжизни—07, ответ. секретаря—32, культуры и быта — 89, писем — 08 (через коммутатор 2-й площадки завода «Кузбассрадио»).
Газета выходит по вторникам, четвергам и субботам.
ОП 13572 Тип. г. Белова Тир аж 6520 экз.